

Константин Фрумкин

Политическая экономия счастья

Футурологический этюд

Об авторе | Константин Григорьевич Фрумкин, 1970 г.р., окончил Финансовую академию при Правительстве Российской Федерации. Журналист, культуролог, кандидат наук. Постоянный автор “Знамени”.

Константин Фрумкин

Политическая экономия счастья

Футурологический этюд

“Всегда рекламируются не вещи, а простое человеческое счастье. Всегда показывают одинаково счастливых людей, только в разных случаях это счастье вызвано разными приобретениями. Поэтому человек идет в магазин не за вещами, а за этим счастьем, а его там не продают”.

В. Пелевин.
“Generation P”

Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов: “СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!”

А. и Б.
Стругацкие.
“Пикник на обочине”

Счастье как политическая проблема

Когда политические лидеры и высшие должностные лица озвучивают цели, которых они собираются достичь в своей политике, они очень часто — пожалуй, даже слишком часто — говорят об абстракциях, которые имеют очень “непрямое” отношение к жизни отдельного человека. Например, экономический рост — умозрительно, видимо, неплохая вещь, но ни увидеть, ни пощупать его нельзя, и самое быстрое экономическое развитие вполне совместимо с тем, чтобы кто-то терял работу, кто-то разорялся, у кого-то уменьшались доходы. Политикам приходится иметь дело с обобщенными параметрами социальных систем, улучшение которых связано с благополучием отдельных граждан очень прихотливо и нелинейно.

Именно поэтому самый запрещенный и самый эффективный прием в полемике по политическим вопросам — это апелляция к счастью. Потому что, по большому счету, государственная политика, экономическое регулирование, социальная помощь и вообще все то важное, что находится в ведении публичной политики, лишь частично задевает индивидуальную экзистенциальную ситуацию отдельного человека.

Человек слишком легко несчастен. Как написал Илья Ильф в своих записных книжках, “радио есть — а счастья нет”. Так и в результате самых наилучших реформ: производительность труда растет — а счастья нет. Демократия есть — а счастья нет. Монархия легитимна — а счастья нет. Институты эффективны, подушевой ВВП достиг, пенсионная обеспеченность, уровень безграмотности, криминальная обстановка по сравнению с соответствующим периодом — а счастья все нет!

Между тем, пытаясь все время перецеgeлять друг друга, и политики и политические учения невольно выходят на обещание осчастливить народ — и противникам ничего не остается, как разоблачать их, задавая сакраментальный вопрос: а стал ли человек счастливее от ваших реформ, контрреформ, просвещения, индустриализации, крушения империи, крещения Руси, проведения биеннале современных искусств?

Все успехи цивилизации могут быть подвергнуты сомнению на основании этого эффективного критерия, что хорошо изображено в романе Валентина Катаева “Время, вперед!”. В романе показано, как героически и с энтузиазмом советские люди строят металлургический комбинат в Магнитогорске, и вот на грандиозное строительство приезжает американский турист, мистер Рай Руп, который смотрит на суету труда и думает: “И вот — километровая плотина. И вот — половина озера. Человеку кажется, что он победил природу. Человек торжествует. Но для чего все это человеку? Вода для промышленности. Прекрасно. Но для чего промышленность? Для производства вещей. Прекрасно. Но для чего вещи? Разве они нужны для счастья? Молодость и здоровье — единственное, что нужно для счастья. И разве древнее, патриархальное человечество было менее счастливо, чем сейчас? О, тогда на земле было гораздо больше счастья!”

Политический дискурс находится в парадоксальной зависимости от понятия счастья: с одной стороны, те, кто претендует на политическое руководство, вынуждены признавать, что у них нет надежных инструментов

“осчастлививания” людей и нет даже точных представлений о том, как именно меры государственной политики влияют на “средний уровень счастья”. С другой стороны, они не могут не обещать избирателям счастья, а следовательно, не подвергаться критике за невыполнение этого обещания.

Сама логика политического соперничества и политических дискуссий подталкивает к тому, чтобы руководители государств объявили бы своей задачей достижение счастья своим народом — и не в метафорическом, а в строгом, техническом, измеряемом и проверяемом смысле. Правда, пока не существует даже минимальных концептуальных основ для того, чтобы понять, могут ли политика и государство способствовать счастью. Но то ли еще будет! С некоторого времени эту проблему начинают пытаться решать. В последние десятилетия началось активное исследование проблем счастья в науке, и вообще, похоже, человечество подходит к этой туманной теме все более сознательно и практично.

Счастье как проблема науки и статистики

Исследования проблем счастья и психического благополучия фактически превратились на Западе в самостоятельную научную дисциплину, что, в частности, выразилось в организации в 2000 году междисциплинарного “Журнала исследований счастья” под редакцией голландского профессора Рута Винховена. По его инициативе в журнале началось составление рейтингов государств по степени испытываемого их жителями счастья. Впрочем, сегодня подобные рейтинги рассчитываются множеством научных организаций во всем мире.

В англоязычной психологии возникло особое направление — так называемая “позитивная психология”, по словам ее создателя М. Селигмана, она “изучает позитивные чувства, чтобы помочь людям развивать положительные свойства характера и достичь того, что Аристотель называл “благой жизнью”.

В 2010 году группа английских ученых создала международное “Движение за счастье” (Action For Happiness). В программных документах организации говорится: “Наша цель состоит в том, чтобы образовать массовое глобальное движение для кардинального изменения стиля жизни современного общества”. К 2011 году в движение вступило около 4,5 тысячи человек из почти шестидесяти стран.

Что интересно, первый вывод, который в один голос начинают делать все ученые или политики, решившие заняться темой счастья, заключается в том, что до сих пор государство ничего не понимало в причинах счастья, придавая слишком большое значение количественным экономическим и финансовым параметрам.

Как заявил один из создателей британского “Движения за счастье” профессор Ричард Лэйард, “несмотря на впечатляющий материальный прогресс, достигнутый в последние пять десятилетий индустриальным миром, люди не стали более счастливыми”, напротив, у них появились новые заботы и разочарования. Цель движения — изменить эту нездоровую ситуацию.

Совсем недавно Мариано Рохас, профессор латиноамериканского факультета социальных наук в Мехико (FLACSO), анализируя данные опросов населения Коста-Рики, сказал, что, поскольку, согласно данным исследований, счастье зависит не только от дохода, то и государственные программы, направленные на борьбу с бедностью, должны стремиться разрешить эту проблему не только за счет увеличения доходов бедного населения, но и путем улучшения качества жизни этих слоев и в других областях. При составлении социальных программ нужно учитывать, что благосостояние зависит от многих областей жизни: досуга, образования, среды и потребительских навыков, то есть умения тратить разумно.

Аналогично профессор Эд Дайенер, под руководством которого компания Gallup в 2005—2006 годах исследовала радость и удовлетворенность жизнью 136 тысяч человек в 132 странах, написал, что такие позитивные эмоции, как радость и наслаждение, гораздо более тесно связаны не с деньгами, а с другими факторами — такими, как сознание того, что тебя уважают, с ощущением независимости. Источником позитивных эмоций также являются друзья и дающая удовлетворение работа.

В переведенной на русский язык книге Майкла Аргайла “Психология счастья” можно прочесть, что работа, конечно, имеет большое значение для душевного благополучия, но не столько сам факт работы, или материального поощрения труда, сколько психологические аспекты работы, такие как: разнообразие и самостоятельность труда, его осмысленность, общественная ценность, эмоциональный фон, характер взаимоотношений с коллегами и руководством.

Мир медленно приходит к осознанию, что существующие в политике ориентиры неточны, и символом этого понимания становится развернувшаяся в последние годы дискуссия о том, можно ли считать ВВП главным показателем развития страны. Для ВВП ищут замены — и очень часто найденные альтернативные показатели связывают с понятием счастья. Камертоном этой дискуссии могли бы служить слова, сказанные в 1968 году сенатором Робертом Кеннеди: “ВВП измеряет все, кроме того, ради чего стоит жить”. В конце 1960-х слова Кеннеди звучали как монтеневский парадокс, может быть, весьма глубокий, но не имеющий значения для практических политиков. Однако уже в 1970-х годах король Бутана Джигме Сингье Вангчук сказал: “Счастье народа важнее процентов валового внутреннего продукта”.

Самая старая и самая известная альтернатива ВВП — понятие “Валового национального счастья”, введенное королем Бутана еще в начале 1970-х годов.

Через тридцать лет примеру Бутана стали следовать в Европе. В 2008 году президент Франции Николя Саркози создал специальную международную комиссию по измерению экономических достижений и социального прогресса, которую возглавили нобелевские лауреаты Амартия Сен и Джозеф Стиглиц, известные своим критическим отношением к принятым в мире методам управления экономикой. По итогам работы комиссии в 2009 году Саркози предложил ввести новые параметры: счастье и доступность услуг здравоохранения — для оценки развития страны, и призвал другие страны подражать Франции.

И действительно, примеру Франции последовала Англия: в конце 2010 года правительство Великобритании выделило 2 млн фунтов стерлингов на измерение “индекса счастья”. Начиная с 2011 года Управление национальной статистики Великобритании начало просить жителей страны оценить свое благополучие. “Мы продолжим измерять ВВП, как и

всегда, но нам давно пора признать, что отдельно взятый ВВП не является полным методом измерения уровня прогресса страны”, — заявил премьер-министр Дэвид Кэмерон.

Наконец, в начале 2011 года пришло сообщение, что и власти Китая будут проводить какие-то эксперименты в этой области и использовать некие индексы счастья. Премьер КНР Вэнь Цзябао сказал, что эффективность работы чиновников следует определять не по количеству построенных небоскребов, а тем, счастливы ли люди под его управлением. Эксперимент на эту тему уже проводится в одном из провинциальных городов, хотя рассчитываемый там индекс счастья пока не учитывает субъективную удовлетворенность жизнью, а только объективные показатели — например, метраж жилой площади на душу населения и содержание углекислоты в атмосфере.

Параллельно с правительствами всевозможные “индексы счастья” рассчитываются различными научными организациями, проводятся исследования и опросы, охватывающие десятки и сотни тысяч людей. Например, известностью пользуется Международный индекс счастья (Happy Planet Index), предложенный в 2006 году британским исследовательским центром New Economics Foundation (NEF). Для его расчета используются три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и состояние экологии, причем, что любопытно, самыми счастливыми в мире оказываются сравнительно бедные латиноамериканские страны.

Фелицитарная политика

Итак, в мире формируется мощное интеллектуальное движение, связанное с попытками исследовать и измерить счастье научными методами, а результаты этих исследований поставить на службу государственной политике.

На повестке дня медленно но верно встает вопрос о создании “политики счастья”, в основе которой должна лежать некая еще не созданная интегральная теория, объединяющая политологию, экономику, социальную политику и все, что может сказать о счастье психология, социология и прикладная философия — от Аристотеля и Сенеки до современных “позитивных психологов”.

Может быть поставлен вопрос о фелицитарной политике (от латинского “фелицитас” — “счастье”), и это словосочетание может употребляться наряду с нынешними понятиями “внешняя политика”, “социальная политика”, “демографическая политика” и т.д.

В сфере теории предшественником фелицитарной политики, разумеется, является Иеремия Бентам, автор “Введения в принципы морали и законодательства”, в котором развивается теория этического гедонизма, учение о том, что благо — это счастье, и целью этического поведения является достижение наибольшего возможного счастья для наибольшего количества людей. Таким образом, Бентам не просто сформулировал цели политики, которая была бы наиболее предпочтительной населению, но и доказал, что основой такой политики должны быть математические расчеты количества счастья и числа достигших его людей.

В сфере реального государственного управления предшественником “Политики счастья” можно также считать любые правительственные меры, не преследующие никакой иной цели, кроме поддержания психологического комфорта своих граждан. Сюда можно отнести организацию зрелищ — функция, к которой очень серьезно относились римские императоры. Сюда же можно отнести меры, призванные расширить употребление психотропных и наркотических веществ. Несомненно, мерой фелицитарной политики можно считать решение Брежнева и его заместителя Кириленко отвергнуть предложение тогдашнего премьера Косыгина начать кампанию по борьбе с пьянством.

Меры эти были до сих пор не бог весть насколько эффективными. Современная цивилизация, несмотря на, казалось бы, имеющийся в ее распоряжении богатый арсенал средств манипулирования ощущением психического благополучия — начиная от химических средств и кончая информационными, — сделать человека счастливым не может. Экономика, динамика социальной структуры и острая конкуренция “говорят” человеку о его счастье гораздо громче и убедительнее, чем любая реклама и пропаганда, а химических средств, действующих эффективно и без последствий для здоровья, не существует. Впрочем, последнее утверждение нельзя понимать совсем уж буквально — ведь миллиарды людей делают свою жизнь сносной, регулярно употребляя алкоголь, антидепрессанты и другие химические заменители счастья.

Можно себе представить, во что выльется древнеримская забота о зрелищах для плебса сегодня, когда на помощь правительствам придут многочисленные психологи и социологи.

Если, как утверждают гарвардские исследователи, важной предпосылкой психологического благополучия является систематический психоанализ — задачей государства может стать организация массовой и всеобщего доступной сети психоаналитических кабинетов (раньше роль такой сети выполняла церковь со своим институтом систематической исповеди).

Если, как утверждает английское движение “За счастье”, важным фактором благополучия является постоянное, происходящее до конца жизни самообразование — то в обязанность правительства может войти обеспечение всеобщего доступа к самообразованию в любом возрасте.

Если, как утверждают психологи, для счастья необходимо общение со старыми друзьями — возможно, несмотря на могущество неформальной активности и социальных сетей, государство могло бы изыскать способы стимулирования подобного общения — например, возложив на школы и университеты обязанность периодически организовывать встречи бывших одноклассников и одногруппников.

Впрочем, все это мелочи. В перспективе речь может идти о полной перестройке сферы управления с учетом новых критериев. Ведь никакой четкой границы между “фелицитарной” и прочей политикой нет — так же, как, по большому счету, нет границ между всеми видами осуществляемых государством “политик”. Когда принимают решение повысить пенсию и ради этого увеличить налоги — то преследуют цели социальной политики, но одновременно совершают важнейшие действия в экономической сфере. Различия между “социальной”, “экономической” или “военной” политикой зачастую объясняются не тем, что они проводятся с помощью разных инструментов и разными ведомствами, а тем, что, рассматривая их последствия, изучают разные аспекты. Между тем одни и те же мероприятия и события могут

иметь большую значимость с точки зрения самых разных “политик”. Очевидно, что рост военных расходов имеет не только военное, но и финансовое, экономическое, социальное и дипломатическое значение.

Тем более это относится к “политике счастья”, ведь счастье производно от всей человеческой жизни и, следовательно, не просто все аспекты деятельности государства, но и все стороны человеческого существования оказываются имеющими отношение к делу. Таким образом, хотя в рамках “фелицитарной политики” вполне возможно изобретение каких-то специальных мер по “осчастливлению”, важнейшая задача будет в общей координации всех сторон публичной жизни. Человек может совершить практически одну и ту же действия: есть и спать, жениться и заводит детей, работать и зарабатывать, болеть и умирать — но быть при этом счастливым или несчастным. С точки зрения жукоглазых и головоногих инопланетян, различия между благополучными и неблагополучными странами Земли невелики. Различия будут в мельчайших нюансах, в ритме событий, в существовании неких страховых резервов или запасных вариантов, которыми, может быть, и не пользуются, но в которые верят и благодаря этому чувствуют себя защищенными; различия в сигналах, полученных или не полученных человеком по ходу одних и тех же действий, различия в том, как быстро пришла помощь в сложной ситуации — и иногда часа или даже минуты оказывается достаточно, чтобы человек полностью пересмотрел свое мнение о бытии. Фелицитарная политика должна исходить из сложной, многофакторной модели среды, в которой обитает человек, изучая, как каждый из факторов влияет на человеческое самоощущение и как действия государства могут повлиять на эти факторы.

Достижимы ли подобные цели? Как говорил Михаил Жванецкий, “местком наладить вашу личную жизнь не сумеет, но от недостатка опыта может попробовать”. Неразрешимость вопроса не означает, что правительства не возьмутся решать его с энтузиазмом, особенно если наука вроде бы предоставляет новые и перспективные рецепты. Достаточно вспомнить проводившиеся в XX веке попытки скрестить политику с евгеникой или неудачные попытки американского правительства искоренить преступность в негритянских трущобах. Поэтому стоит ожидать появления “эвдемонистских” политических партий, ставящих своей целью максимизацию счастья граждан.

Впрочем, можно себе представить направление, в котором действия государства могут быть более успешными. Николаю Бердяеву принадлежит гениальный афоризм: “Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад”. Этот афоризм прекрасно гармонирует с минималистским, но зато бесспорным определением счастья: когда можно избежать несчастья.

Профилактика несчастья — вещь гораздо более понятная, простая и достижимая, чем туманное “осчастливление”. Это опять же видно на примере существующей политики занятости. Государству очень трудно создавать новые рабочие места, трудно побуждать людей отказываться от своих старых профессий и переучиваться, практически невозможно гарантировать гражданам успех и карьеру — но зато сравнительно просто облегчить жизнь безработных, были бы деньги. В богатых европейских странах жизнь безработных стала настолько сносной, что появились настоящие профессионалы по получению пособий.

Экстраполируя эту ситуацию, можно сказать, что минимальным и наиболее реальным направлением фелицитарной политики должно стать “обезболивание”, профилактика несчастья как ощущения. В принципе, “анестезия” является важнейшей функцией государства уже и сегодня, поскольку именно государство прежде всего приходит на помощь в экстренных случаях: лечит больных (или хотя бы бедных больных), помогает жить безработным, оплачивает наиболее необходимые расходы беднейшим слоям, тушит пожары, вытаскивает пострадавших из-под обломков разрушенных зданий, защищает в случае войны, мстит за жертв преступлений. Речь, таким образом, идет не о принципиальных новациях, но о тотализации и, самое главное, психологизации уже существующих государственных функций. Любая деятельность должна быть перестроена с целью повышения психологического комфорта тех, кто имеет к ней отношение.

Например, легко можно предсказать появление фелицитарной составляющей в сфере охраны труда. Работа не должна быть мучительной и портить настроение. Если сегодня специалисты по охране труда выявляют на рабочих местах факторы, вредящие здоровью, и требуют от работодателя выплачивать компенсацию, то завтра будут выявлять факторы, портящие настроение — и также требовать компенсации. В сущности, неопределенное понятие “моральный ущерб”, фигурирующее в огромном количестве юридических ситуаций, можно истолковывать именно как ущерб психологическому комфорту и даже как ущерб счастью.

Общество победившей тотальной “анестезии” вполне правдоподобно описано в романе Станислава Лема “Возвращение со звезд”, где в обществе будущего важнейшие источники несчастий устранены двумя способами — техническим и фармакологическим: с одной стороны, некие генераторы антигравитации полностью устраняют возможность катастроф на транспорте, в лифтах и т.д.; с другой стороны, происходящая с человеком при рождении процедура “бетризации” нейтрализует все агрессивные импульсы в мозге. Таким образом, общество будущего оказывается избавлено и от несчастных случаев, и от взаимной агрессии.

Счастье в таблетках

Если фелицитарная политика действительно возникнет, перед разрабатывающими ее умами немедленно встанет множество изощреннейших ловушек.

Важнейшая из них заключается в том, что разработчики “мер осчастливления” будут смешивать достойные достижения ценности с симптомами обладания этими ценностями. Символом этой проблемы может служить пресловутая американская улыбка — социальная улыбка, преднамеренно поддерживаемая людьми на своих лицах, поскольку улыбающееся лицо внушает доверие, выглядит симпатичным и избавляет окружающих от необходимости чувствовать чужим несчастьем. “Нормальная” улыбка является симптомом психологического благополучия, но в современном обществе нашлось множество резонов искусственно демонстрировать этот симптом вне зависимости от истинного психологического благополучия — или, иными словами, множество резонов пытаться поддерживать иллюзию психологического благополучия. Раздается множество критических голосов против “неискренней” американской улыбки, хотя тут может быть столько же аргументов и “за”: есть, например, мнение, что существует обратная связь от выражения лица к хорошему настроению — однако факт остается фактом: социальная эксплуатация улыбки является искажением ее исходной функции мимического знака, выражающего отношение к окружающим и внутреннее

самочувствие.

И это лишь маленькая проблема, возникшая еще до начала использования современных технологий и достижений естественных наук. Можно только догадываться, что может сделать с симптоматикой счастья мощь технологической цивилизации. Некоторое представление об этом дает история литературных антиутопий — начиная с “Дивного нового мира” Хаксли, где самые изощренные технические методы, включая воздействия на еще не родившийся эмбрион, делают человека идеально приспособленным к данному обществу — а чтобы всегда иметь хорошее настроение, жители “Дивного мира” употребляют наркотик “сому”, у которого нет негативных действий (“сомы грамм — и нету драм”).

Роман Хаксли демонстрирует нам то простое решение, которое напрашивалось, напрашивается и будет напрашиваться всякий раз, когда встает вопрос о достижении счастья быстро и техническими средствами. Счастье сводится к ощущению счастья (эту редукцию очень трудно опровергнуть), а наилучшее и наиболее легкодостижимое средство создания этого ощущения — химическое воздействие. Ощущение счастья тесно связано с биохимией мозга, а освоением выработки веществ-нейромедиаторов (серотонина, дофамина, эндорфина) организовать ощущение счастья гораздо проще, чем полностью обустроить человеческую жизнь.

В фантастике еще одним чрезвычайно ярким изображением общества победившей химической фелицитарной политики является роман Станислава Лема “Футурологический конгресс”. Тут членам общества будущего кажется, что они живут шикарной жизнью, что их существование протекает на широких проспектах и в дорогих апартаментах, они едят в дорогих ресторанах, ездят на дорогих машинах, ухаживают за прекрасными женщинами — но на самом деле это лишь иллюзия, результат воздействия постоянно распыляемых в воздухе химических препаратов. Реальность — совершенно иная: город состоит из развалившихся трущоб, полных больными людьми, которые едят отбросы.

Счастье, конкуренция и скорость развития

Еще одна проблема фелицитарной политики проистекает из-за того, что во многих случаях ощущение благополучия в нашей жизни возникает благодаря выигрышам в играх с нулевой суммой. То есть человек часто счастлив тогда, когда смог возвыситься над другими, получив более высокое место в социальной иерархии. Некоторые исследования показывают, что высокие доходы приносят удовольствие не потому, что они велики, но при условии, что они истолковываются как “большие, чем у соседей”. Как дать высокое положение всему населению, вряд ли может придумать даже утопист со смелой фантазией.

Впрочем, какие-то решения у проблемы, вероятно, есть. Например, появление в обществе большого количества независимых друг от друга, но пересекающихся иерархических структур, так что, не достигнув успеха в одной, человек всегда может сделать “карьеру” в другой. Не заняв видного места на основном месте работы, люди могут компенсировать это достойным положением в общественных организациях церкви, спорте, искусстве... Таким образом, устраивая конкурсы молодых талантов, государство будет не столько выявлять кадры для искусства, сколько удовлетворять естественную потребность людей в публичном успехе.

Можно также представить себе “утопическое” общество, в котором делают карьеры только те, для кого психологически особенно значим публичный успех и болезненно его отсутствие — иными словами, только те люди, которые будут чувствовать себя особенно несчастными и таким образом портить средние по обществу показатели удовлетворенности жизнью, если не сделают карьеры. Можно также представить, что педагогика будущего будет заботиться о том, чтобы честолюбие было распространено в обществе умеренно, дабы обеспечить руководящие должности честолюбивыми кадрами, но чтобы большинство людей не придавало достижению власти большого значения.

Чувство неудовлетворенности, которое испытывают люди, не сумевшие достичь в жизни видного положения, напрямую связано с тем, каково отношение к успеху и карьере в культуре данного общества. Американский “культ успеха” делает несчастными тех, кто этого успеха не добился. Но какая альтернатива возможна “культу успеха”? В очень интересной и убедительной книге немецкого социолога Гельмута Шока “Зависть” отмечается, что зависть является совершенно обыденным, общераспространенным и непреодолимым чувством, и никакое социальное равенство избавить от него не может, поскольку с ростом равенства увеличивается “чувствительность” зависти к мельчайшим различиям между людьми. Однако люди склонны завидовать близким себе по положению, сопоставимым с собою людям: рабочий скорее завидует другому рабочему, чем профессору; и в силу этого в жестких кастовых обществах, где человеку нечего и мечтать о переходе в другую касту, зависти гораздо меньше, чем в обществах демократичных. В “Дивном новом мире” Хаксли людей еще на дородовом уровне создавали членами определенной касты и вкладывали в них врожденное чувство гордости за свою касту, почтения к высшим кастам и уважения к низшим — это избавляло общество от социальных беспорядков.

С точки зрения удовлетворенности человека своей жизнью, быть может, более рациональным было бы общество с косной, застывшей социальной структурой, без соперничества, без культа успеха, без ротации элиты и без социальных лифтов. Проблема в том, что такое общество перестало бы развиваться.

Важнейший источник депрессий, стрессов и плохого настроения в современном мире — высокий уровень конкуренции, когда каждый человек чувствует, как соперник дышит ему в затылок. Ослабление соперничества не просто является фактором счастья — это заветная мечта всех членов современного общества. Однако соперничество признается важнейшим мотиватором труда и совершенствования, без которого общество погружается в неминуемый застой. Здесь перед нами встает одна из неразрешимых проблем фелицитарной политики: счастье часто противоположно эффективности. Этот факт можно связать с данными, полученными психологом Джо Форгасом из университета Нового Южного Уэльса, согласно которым счастливый человек действует менее эффективно: он больше погружен в себя по сравнению с несчастным, более легковверен и менее бдителен, ему сложнее привести убедительный аргумент в споре, он менее внимателен к деталям и у него хуже работает память.

Развитие если и способствует счастью, то только в некоей отдаленной перспективе “наши дети будут жить лучше”. В повседневной жизни развитие — это заботы и опасности. Лишь творческие люди получают от этого удовольствие, и

то лишь в тех случаях, когда их личные интересы совпадают со служебными. Именно поэтому одна из самых главных и политически острых проблем, которая может возникнуть при формировании политики счастья, — проблема развития. С тех пор как развитие и прогресс стали осознаваться как одна из целей государственной политики, стал подниматься вопрос цены развития — судьбы тех, кто теряет от прогресса, несущего благо общественному целому.

Все дело в том, что человеческое благополучие, выраженное и в бытовом комфорте, и в денежных доходах, и в чувстве защищенности, и в чувстве собственного достоинства, в значительной степени зависит от положения человека внутри социальных систем и институтов. Между тем, развитие — и особенно быстрое развитие — неизменно приводит к перестройкам, а то и просто к разрушению существовавших институтов, к распаду социальных отношений или потере людьми привычных позиций внутри сетей таких отношений. В истории последних веков всякое быстрое ускорение развития представляет собой историю социального шока, когда множество людей испытывает страдания оттого, что привычный для них мир рушится. Собственно говоря, именно поэтому многие якобы прогрессивные явления социальной жизни получают наименование социальных катастроф, и именно поэтому в публицистике возникло стереотипное противопоставление революционного и эволюционного способов развития. Революционное развитие быстрее эволюционного, но скорость — понятие относительное, и еще неизвестно, как мерить, поэтому на самом деле революция отличается от эволюции болезненным для людей разрушением социальной среды, которая оказывается неспособной адаптироваться к быстрым переменам.

В России сегодня период 1990-х годов истолковывают как социальную катастрофу именно потому, что слишком большое число людей, чьи социальные позиции были намертво привязаны к плановой социалистической экономике, разом утратили и ориентиры, и привычные схемы социального взаимодействия.

Впрочем, российская история, наверное, начиная с Ивана Грозного представляет собой череду мучительных шоков, которые неизменно потом называли “волнами модернизации”.

А вот в Бутане суть осуществляемой политики “валового национального счастья” заключается как раз в том, что развитие страны осуществляется медленными шагами и сопровождается мерами по сохранению традиционных ценностей — семьи, культуры, природы и буддийской религии.

В романах братьев Стругацких упоминается некая инопланетная “цивилизация Великой Тагоры”, которая отличается именно тем, что во имя целей, которые мы выше назвали “анестезией”, сознательно сдерживает прогресс. В романе “Волны гасят ветер” об этой цивилизации говорится: “Цивилизация гипертрофированной предусмотрительности. Три четверти всех мощностей направлено у них на изучение вредных последствий, каковые могут изобрести из открытия, изобретения, нового технологического процесса и так далее. Эта цивилизация кажется нам странной только потому, что мы не способны понять, настолько это интересно — предотвращать вредные последствия, какую массу интеллектуального и эмоционального наслаждения это дает. Тормозить прогресс так же увлекательно, как и творить его — все зависит от исходной установки и от воспитания. В результате транспорт у них — только общественный, авиации никакой, зато прекрасно развита проводная связь”.

На интуитивном уровне купирование шока, вызванного быстрыми переменами, является важнейшей задачей политики, и дискуссии между теми, кто требует развития как можно быстрее и любой ценой, и теми, кто по тем или иным причинам не готов платить за него сполна, является важнейшим содержанием политических дискуссий в огромном числе стран. Но, кажется, нигде еще не был поставлен вопрос о том, что счастье, благополучие, комфорт — это ценности; что эти ценности могут быть поставлены выше развития и что ради счастья людей скоростью развития надо жертвовать.

Политики всех направлений уже многие годы находятся под влиянием неодолимого культа развития, и даже консерваторы, как правило, не пытаются прямо говорить о необходимости снижения темпов роста, а либо уводят дискуссию в другую плоскость, либо даже наоборот — выдают себя за хранителей более точных рецептов быстрого развития.

В наше время покушение на скорость развития вряд ли возможно, поскольку любое государство находится в состоянии острого соперничества с соседями. Война способствует ускорению прогресса даже не столько потому, что за счет военных бюджетов осуществляются передовые научные разработки, сколько потому, что восприятие соседних стран как враждебных соперников заставляет все правительства мира проводить политику ускорения экономического роста любой ценой. Тот, кто отстает, рискует быть съеденным. Если отставание не будет восприниматься как угроза безопасности, пропадет добрая половина стимулов развития. Надежда лишь на то, что его скорость не будет столь тесно зависеть от проводимой государством политики.

Впрочем, уход ускорения развития любой ценой из числа приоритетных политических ценностей не означает исчезновения соперничества и конкуренции: Конкуренция между всевозможными акторами будущего общества все равно останется — между частными компаниями, отдельными индивидами... Эта конкуренция будет обеспечивать развитие — но государство, лишённое враждебного окружения, будет заниматься уже не столько стимулированием прогресса, сколько, как правительство Великой Тагоры, предотвращением его вредных последствий. И можно будет предсказать, что отказ государства от роли стимулятора скорости, готового принести человеческие жертвы на алтарь прогресса, будет воспринят многими как застой, старение расы и упадок цивилизации.

С другой стороны, развитие обеспечивает важнейшую предпосылку счастья — поток постоянных улучшений.

В телепрограмме “Культурная революция” писатель Алла Дымовская как-то спросила: появились мобильники — стали ли вы счастливее?

Каверзный вопрос. Если даже оставить в стороне минусы мобильников — что теперь тебя можно достать в любой точке и в любое время... Мобильники дают удобство. К удобству привыкаешь, отказ от него делает слегка несчастным. Но именно привычка не позволяет долго радоваться всякому новому удобству. Субъективное ощущение благополучия — динамической природы, оно нужно не для констатации, что “сейчас все хорошо”, а для сигнализации, что “стало лучше, чем раньше”. Для ощущения радости нужны постоянные улучшения. Например, выпускать все более крутые мобильники.

Или как-нибудь вытравить у людей способность к привыканию — тогда однажды изобретенный мобильник, или посудомоечная машина, или новенький карманный фонарик будет праздником, который всегда с тобой.

И тут мы опять подходим к мысли, что куда проще не общество сделать обеспечивающим счастье, а биотехническими средствами создать человека, способного быть счастливым в том обществе, которое есть. А поскольку, по всем прогнозам, человечество стоит накануне катастрофической биотехнологической революции — эта мысль становится все более соблазнительной и опасной.

Иммануил Кант возражает

Серьезным аргументом против самой идеи фелицитарной политики может быть утверждение, что счастье вовсе не является ценностью, которой следовало бы добиваться любой ценой и которой требовалось бы подчинять цели государственной политики. Счастье может быть лишь “обольщением”, порожденным устройством нашего тела, нашими инстинктами и желаниями, нашими чувствами — но никто не сказал, что наши чувства, связанные с получением удовольствия “немедленно” и с архаичными, едва ли не устаревшими животными потребностями, могут служить надежной основой для выработки стратегии развития всего человеческого сообщества. За этим аргументом — длительные века борьбы моралистов с гедонизмом, разума с желаниями, борьбой, которую философы XX века под влиянием Фрейда сформулировали как борьбу принципа удовольствия с принципом реальности.

В философии символом всех подобных контраргументов против фелицитарной политики должно, безусловно, служить имя Иммануила Канта, полагавшего, что задачей человека должно быть не стремление к счастью, а выполнение долга.

Проблема лишь в том, что исторически морализм в борьбе с гедонизмом скорее терпел поражение — и особенно тогда, когда аргументам против удовлетворения желаний переставала помогать техническая невозможность их удовлетворения, то есть бедность.

Исторический опыт человечества показывает, что есть единственная ценность, ради которой живые существа готовы отказаться от удовлетворения желаний и счастья, — это сама жизнь. Принцип реальности торжествует над принципом удовольствия во имя выживания. Религии спасения пытались воспользоваться этим обстоятельством, придав, однако, другой смысл понятию “выживание” и таким образом сделав себя технологией выживания в высоком смысле слова “спасение” — выживания в вечной жизни, спасения души, вечного избавления от страданий. Но в наше время в религиозное спасение если и верят, то как в индивидуальное, а не государственное дело.

Таким образом, отказ от счастья возможен только ввиду угрозы выживанию. До тех пор, пока мы находимся в состоянии “мирной” жизни, в которой выживание обеспечивается само собой как необходимая, но не достаточная цель любой политики, — ориентация на счастье остается доминирующей, и более того: любая иная ценность, которая хотела бы занять достойное место среди политических целей, должна будет доказать, что она имеет отношение либо к выживанию, либо к счастью. В наше время выживание и счастье — единственные стратегии, рекомендации по которым копируются в закрытом клубе важнейших политических ценностей.

Резюмируя все сказанное выше, можно сделать следующие прогнозы:

- 1. В ближайшие десятилетия счастье будет осознано как приоритетная политическая ценность, причем относиться к нему будут как к измеримому и прагматически манипулируемому параметру.*
- 2. На основе такого отношения к счастью возникнет фелицитарная политика — сложный комплекс теорий и практик, включающий в себя научные исследования, идеологию, философию, технологии государственного управления и политические и общественные организации, специализирующиеся на достижении “счастья для всех”.*
- 3. Возникновение фелицитарной политики приведет к тому, что авторитет “ускорения развития любой ценой” как приоритетной политической ценности будет поколеблен, чему, возможно, поспособствует рост международной безопасности: государства перестанут рассматривать отставание как риск для собственного выживания.*
- 4. Главными врагами приверженцев активной фелицитарной политики будут те, кто станет добиваться отказа от удовольствий сегодня ради стратегических целей вроде космической экспансии или экологического равновесия. Экологам и космическим мечтателям придется бороться не с транснациональными корпорациями, а с теми, кто, как герой Стругацких, будет обещать: “Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!”*